

Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти

Александра А. Нечаева

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, a.nechaeva@spbu.ru*

Аннотация. Интерес к вопросам коллективной памяти не угасает со времен так называемого «бума памяти» XX в. Несмотря на значительное количество теоретических и фундаментальных исследований, посвященных коллективной памяти, ее аспектам и разновидностям, методологическим основам дисциплины уделялось меньше внимания. Утверждение методологического аппарата мемори стадиз необходимо для его окончательного оформления в самостоятельную область знания.

Множество исследователей описывали различные подходы к определению методологии исследований в рамках мемори стадиз. Однако предложенные методы позволяли проанализировать лишь статичные и фрагментарные проявления коллективной памяти. На данный момент исследователи коллективной памяти в первую очередь рассматривают ее как продолжающийся во времени процесс. Подобное понимание памяти как процесса, наделенного темпоральными характеристиками, происходящего в культурном контексте и как зависимого, так и формирующего для участвующих в нем субъектов, привело к возникновению идей о нарративности коллективной памяти. Это вызывает к необходимости определения соответствующего метода исследования, который позволил бы оценить социальные практики коллективной памяти в историческом и социокультурном контексте. В данной статье систематизированы представленные в академической литературе идеи о нарративности коллективной памяти и произведена оценка потенциала нарративного анализа для ее изучения.

Ключевые слова: коллективная память, мемори стадиз, нарратив, нарративный анализ, методология

Для цитирования: Нечаева А.А. Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2. С. 81–93. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-81-93

Narrative analysis as a collective memory research method

Aleksandra A. Nechaeva

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia, a.nechaeva@spbu.ru

Abstract. The interest towards the issues of collective memory has not faded since the “memory boom” of the 20th century. Despite the considerable amount of theoretical and fundamental research into the collective memory, its aspects and varieties, less attention has been paid to the methodological foundation of the discipline. The establishing of the methodological apparatus of Memory Studies is necessary for its final formation into an independent field of knowledge. Many researchers have been describing various approaches to defining the research methodology of Memory Studies. However, the suggested methods allowed to analyze only static and fragmented manifestations of collective memory. Nowadays, collective memory researchers see it, first of all, as a process unfolding in time. Such an understanding of memory as a process, possessing temporal characteristics, happening in a cultural context and dependent on as well as formative for its participating subjects, lead to the establishment of ideas regarding the narrative nature of collective memory. That calls for a necessity to define a relevant research method that would allow to evaluate social practices of collective memory as well as the historical and sociocultural context that affects them. The goal of the given work lies in the systematization of presented in the academic literature ideas of the narrativeness of collective memory and in the evaluation of the scientific potential of narrative analysis in collective memory research.

Keywords: collective memory, Memory Studies, narrative, narrative analysis, methodology

For citation: Nechaeva, A.A. (2020), “Narrative analysis as a collective memory research method”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 81-93, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-2-81-93

Введение

Исследования, проводимые в рамках мемори стадиз, позволяют проанализировать процессы формирования идентичности различных социальных групп, оценить глубинные значения прошлого в настоящем, понять, как сообщества используют коллективную память для достижения определенных целей и выстраивания морально-ценностных ориентаций. Однако на сегодняшний день исследования коллективной памяти остаются проблематичными

с эмпирической точки зрения. Теоретическая и практическая значимость представленной работы заключается в попытке завершить определение методологического аппарата исследований коллективной памяти для окончательного оформления мемори стадиз в самостоятельную область знаний.

А. Васильев [Васильев 2015], В. Касамара [Касамара, Сорокина 2014], Т. Емельянова, А. Тимофеева [Емельянова, Тимофеева 2009], Л. Зубанова [Зубанова 2008], Н. Иванова [Иванова 2013], В. Канштайнер [Канштайнер 2014], А. Конфино [Confino 1997], А. Эрлл [Erlл 2011], Е. Кейтли [Keightley 2010], Б. Зелизер [Zelizer 1992] и др. предлагали различные подходы к методологии анализа коллективной памяти. Однако рассматриваемые ими методы не давали представления о коллективной памяти как о целостности, скорее позволяли оценить ее отдельные проявления и материальные места фиксации. Дж. Олик в рамках процессо-релятивистского подхода предложил рассматривать память не как статичный объект, а как развивающийся во времени процесс [Олик 2012]. Автор указывал на то, что концептуализация памяти в местах ее проявления упускает из виду ее развитие и относительность процесса воспоминания. Описанных ранее методов оказалось недостаточно.

Понимание памяти как процесса, наделенного темпоральными характеристиками, происходящего в культурном контексте и как зависимого, так и формирующего для участвующих в нем субъектов, привело к возникновению идей о нарративности коллективной памяти. Их развивали П. Рикер [Ricoeur 2004], Дж. Верч [Wertsch 2008], Дж. Брунер [Bruner 1991], Ки Ванг и Кинфанг Сонг [Wang, Song, Kim Koh 2017], Г. Розенвальд и Р. Охберг [Rosenwald, Ochberg 1992].

В рамках данного исследования была предпринята попытка выполнить систематический обзор представленных в академической литературе идей о нарративности коллективной памяти и оценить потенциал нарративного анализа для ее изучения. Перед нами стояли следующие задачи: обозначить теоретические обоснования нарративной составляющей коллективной памяти, систематизировать существующие подходы к методологии проведения нарративного анализа и выявить эффективность применения нарративного анализа для проведения исследований в рамках мемори стадиз. Научная новизна данной статьи заключается в предложении анализа нарративов как эффективного и валидного метода анализа коллективной памяти, который позволит учитывать ее процессуальность, темпоральность и социальное взаимодействие, существующие в ее рамках.

Коллективная память как нарратив

Память и идентичность неотделимы друг от друга. Идентичность выстраивается на ощущении длящегося во времени бытия субъекта [Васильев 2015]. П. Рикер указывал на то, что память, по существу, представляет собой нарратив [Ricoeur 2004]. В процессе коммеморации произошедшие события объединяются в серии, на основании которых строится повествование, которое может быть структурировано различными способами. Значение события определяется именно той серией, в которую оно оказалось включено. Таким образом, из единого фактического материала может выстраиваться различный нарратив идентичности.

Как указывает В. Губин, «оценивая исторический нарратив, следует всегда сознавать, из чьих именно уст он исходит и в какой конкретной обстановке и для какой аудитории излагается» [Губин 2019]. При формировании нарратива коллективной памяти в первую очередь выбирается временная перспектива. Сообщество выбирает степень глубины погружения в собственное прошлое, обращается к более или менее удаленным событиям. Производится отбор исторических личностей, событий и периодов, на основании которых выстраивается идентификация группы. Изменение степени отдаленности рассматриваемого прошлого может изменять «образ предков».

Когда определена временная перспектива, в рамках коллективной памяти выбирается линия преемственности. Представляется необходимым сформировать идею неразрывности исторического континуума.

М. Хальбвакс отмечал, что в коллективной памяти события прошлого должны выстраиваться и интерпретироваться так, чтобы члены социальной общности узнавали себя на каждом этапе истории, ощущали то или иное прошлое как «свое» [Васильев 2015, с. 46].

Для формирования такого ощущения подчеркивается связь с определенными «местами памяти», материальными объектами, событиями, персонами, которая является неизменной и подлежит постоянному восстановлению. Однако возможны и разрывы с прошлым, которые происходят вследствие определенных поворотных моментов. Такие разрывы обозначают начало нового этапа, утверждения новых ценностей.

Нарратив определяется как организация одновременных событий и происшествий в хронологическом последовательном порядке, который придает значение и объясняет каждый из его элемен-

тов и в то же время конструируется с их помощью [Griffin 1993]. Исторические события идентифицируются и сводятся в историю посредством использования сюжета, окружающей обстановки и характеристики героев, которые придают событиям структуру, значение и контекст. Кроме того, установка временного порядка событий необходима, чтобы сформировать понимание, как и почему произошли данные события. В этом случае элементы нарратива приобретают характеристики темпа и продолжительности. Нарративы по своей природе темпоральны, как с точки зрения их формирования, так и с точки зрения логики объяснения событий. Они принимают форму разворачивающейся истории, включающей в себя непредвиденные стечения обстоятельств, в рамках которой событие объясняется его порядком и позицией в истории [King 2000].

Дж. Верч предлагает различать «конкретные нарративы» и «схематические шаблоны нарративов» [Wertsch 2008]. Конкретные нарративы организуются вокруг определенных дат, обстановки и действий, в то время как схематические шаблоны нарративов являются более обобщенными структурами, используемыми для создания множества конкретных нарративов со сходным базовым сюжетом.

Конкретные нарративы содержат в себе упоминания точного места, времени, участвующих персонажей, окружающей ситуации события, в этом заключается их основное отличие от схематических нарративных шаблонов. Вторые существуют на более абстрактном уровне, не предоставляют деталей и создают форму, которая может применяться к множеству событий. Они призваны выражать какую-либо вечную или существенную истину о группе, определять ее идентичность. Информация, особенно та, что противоречит данным схемам, рассеивается, упрощается или игнорируется с течением времени [Novick 1999].

Сила, которой обладают нарративные шаблоны при оформлении образа мысли и речи группы, объясняется их абстрактной природой. Благодаря данному уровню абстракции нарративные шаблоны часто остаются незамеченными для тех, кто их применяет. Это является ключевой основой для их способности формировать то, что Дж. Верч называет «глубокой памятью» [Wertsch 2008]. Таким образом, коллективная память представляется «глубокой», потому что организующие ее нарративные приемы в большой степени остаются недосыгаемы для сознательной рефлексии. Вторая причина, по которой коллективная память становится глубокой, заключается в том, что нарративные схемы обладают существенным эмоциональным резонансом, заключенным в них, и являются фундаментальной составляющей идентичности группы. В результате схематические шаблоны нарративов играют неявную, но

очень властную роль «соавторства», когда сообщество стремится представить свое прошлое.

Дж. Брунер также утверждает, что мы организовываем наш опыт и память о произошедших событиях в форме нарратива – создаем истории, оправдания, мифы, причины действия или бездействия и т. д. [Bruner 1991]. В отличие от конструкций, сформированных с помощью логики и научных процедур, которые могут быть отсеяны посредством фальсификации, нарративные конструкции могут только достигнуть уровня «правдоподобия». Таким образом, они представляют собой версию реальности, принятие которой регулируется обычаем и потребностью в существовании нарратива, а не эмпирическим подтверждением или логическим объяснением.

Ки Ванг и Кинфанг Сонг отмечают, что процесс запоминания и выстраивания смыслов через нарратив происходят не изолированно, а внутри контекста. Эти смыслы помещены в микро- и макроконтекст культуры, которая, будучи символической системой медиации, обуславливает обработку информации и производство смыслов [Wang, Song, Kim Koh 2017]. Авторы отмечают, что формирование памяти не всегда полагается на язык, так как она может фиксироваться и с помощью изображений или других перцептивных форматов, однако именно лингвистический нарратив обеспечивает ее транслируемость и сохранность. Он позволяет историческому опыту быть одновременно временным, имевшим место быть в определенный момент прошлого, и постоянным – лингвистически закодированным в устойчивую систему значений. Нарратив налагает временно-причинные структуры на информацию о событии, что способствует формированию продолжительных воспоминаний. Следовательно, формирование нарратива в процессе конструирования памяти увеличивает сохранность и доступность памяти, вписывает ее в культурную реальность.

Г. Розенвальд и Р. Охберг говорят, что истории позволяют не только рассказать о прошлом опыте, но и вносят вклад в то, каким видит себя рассказчик, каким он становится [Rosenwald, Ochberg 1992]. С одной стороны, истории формируют образ, с другой – образ определяет отбор событий, о которых будет вестись повествование. Таким образом, тот набор нарративов, который включается в структуру коллективной памяти, позволяет сформировать идентичность группы, от лица которой ведется повествование о прошлом. Рассказчик переносит слушателя в прошлые времена, воспроизводя то, что произошло, таким образом, чтобы сделать вывод, как правило, нравственного содержания. Репрезентация событий и формирование нравственного отношения к ним дает возможность

нации представить себя в роли жертвы или победителя, оправдать свои действия в случае агрессии или поражения, определить ценностные ориентиры дальнейшего развития.

Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти

Исследователи все больше уходят от универсальных моделей объяснения социальных явлений и обращаются к темпоральности и нарративному анализу. Их использование позволяет отдать должное процессуальному характеру исторических событий. Переход к исследованиям нарратива делает возможным преодолеть теоретические ограничения конвенциональной историографии. Историческая реальность может концептуализироваться не как временной отрезок, внутри которого события влияют друг на друга, а как набор историй, в которых комплексные акторы взаимодействуют внутри комплексных структур.

Нарративный анализ начал активно применяться для качественного анализа текстов со второй половины XX в. В центре исследования социальных и гуманитарных наук оказался текст, предполагающий скрытые в нем смыслы, а точнее, нарратив как лингвистический, культурный и социальный феномен, как отражение социальной реальности. В рамках субъективистского направления в социологии появилась необходимость в использовании качественных методов анализа; контент-анализ, подразумевающий количественный метод сбора данных об изучаемом явлении и использующий математические приемы обработки данных, оказался недостаточным для глубинного анализа структур и смыслов. Таким образом, был разработан метод нарративного анализа, истоками которого являются антропология, лингвистика и семиотика. Он позволяет оценить как социальные практики, так и оказывающий влияние на них исторический и социокультурный контекст.

Р. Тернер отмечает, что в качестве объектов нарративного анализа могут выступать «мифы, символы, социальные идеи, репрезентируемые персонажами, подчеркивая при этом важность связи последних с конкретной социальной проблематикой» [Тернер 1992, с. 123]. Благодаря нарративному анализу исследователь получает возможность изучить социальные отношения, находящие выражение в языковых практиках. Х. Алкер указывает на то, что нарративный анализ позволяет глубоко проанализировать исторические события, которые транслируются как нарративы, принимают форму мифов, типических сюжетов, сказок и т. д. [Alker 1996].

Анализу подвергаются структуры сюжета, действующие лица, мотивы их поведения и происходящие ситуации, символические образцы взаимодействия в обществе, формирование и сохранение норм и образцов культуры. Объектом исследования при этом являются смысловые единицы, формирующие структуру нарратива.

Методики анализа нарратива

Существует несколько подходов, с точки зрения которых возможно анализировать нарратив в структуре коллективной памяти. Первая методика – по **типу** нарратива. Е. Ярская-Смирнова выделяет три возможных жанра нарратива: обыденный, при котором действие повторяется регулярно и не находит кульминации, гипотетический, в котором действие могло произойти, но не совершилось, и сосредоточенный вокруг определенной темы, описывающий события прошлого [Ярская-Смирнова 1997]. Американский исследователь К. Герген, в свою очередь, говорит о трех типах нарративов: нарратив стабильности, прогрессивный и регрессивный нарратив [Gergen]. Каждый из представленных типов выражает установленные в обществе ценности, мифы и коллективные представления.

Следующая методика обращает внимание, в первую очередь, на **структуру** нарратива. Структуру нарратива можно рассматривать на трех уровнях: хронологическом (временной аспект развития событий), тематическом (события объединены вокруг определенной темы) и логическом (взаимосвязь между событиями). Говоря о структуре нарратива, Е. Ярская-Смирнова указывает на то, что в нем должна присутствовать последовательность, однако последовательность может носить различный характер [Ярская-Смирнова 1997]. В. Лабов рассматривает хронологическую секвенцию. Другие авторы, например К. Юнг, говорят о секвенции последствий – одно событие приводит к другому в нарративе, но связи не обязательно являются временными. Третьи, например К. Рисман, указывают на тематическую секвенцию, когда события нарратива связаны тематически, а не временными связями.

Т. ван Дейк выделяет три семантические структуры нарратива, подвергающиеся анализу – микроструктуры, макроструктуры и суперструктуры [ван Дейк 2000]. В рамках микроструктуры задаются связи между отдельными предложениями. Макроструктуры регулируют отношения между смысловыми частями текста: эпизодами, абзацами статьи, группами реплик. Суперструктура представляет собой заданную стандартную схему выстраивания

нарратива согласно конкретной последовательности и определенным категориям. Кеннет Бурк разработал «пятиугольную» модель нарратива, состоящую из Агента, Действия, Обстановки, Цели и Применяемых средств [Burke 2018]. Выдержанный баланс между элементами определяется как «пропорциональное соотношение», определенное культурной нормой. Когда это соотношение нарушается, прорываются конвенциональные ожидания, появляется Проблема. Именно она является движущей силой драмы, результатом дисбаланса пяти элементов нарратива.

Т. Терехова предлагает схему «простого» нарратива: состояние – событие – состояние [Терехова 2015]. Ядром рассказа является именно событие, находящееся посередине. Данное событие призвано вывести рассказчика из первичного состояния равновесия. Благодаря событию происходит смена состояния, формируется идентичность. Средняя часть представляет собой своеобразную форму трансгрессии, она структурирует хаотичные события прошлого в упорядоченную культурную форму нарратива. Третья часть повествует о возвращении в статичное состояние, но уже на другом уровне или в новом качестве.

Кроме того, автор описывает структуру «полного» нарратива в рамках подхода В. Лабова. Он включает в себя шесть элементов: «тезисы “Т” (краткое изложение существа дела), ориентацию “ОС” (время, место, ситуация, участники), комплекс действий “КД” (последовательность событий), оценку “О” (значимость и смысл действия, отношение рассказчика к этому действию), резолюцию “Р” (что случилось в конце концов) и код “К” (возврат к настоящему времени)» [Терехова 2015, с. 147]. Код не может быть индивидуальным, он представляет собой разделяемый всеми социальный смысл, поэтому играет роль перехода из индивидуального происхождения к статике состояния.

Третья методика анализа подразумевает исследование *причинных связей* нарратива в рамках событийно-структурного анализа. Процедура событийно-структурного анализа была разработана психологом Д. Хайзе с целью выявления временной и причинной последовательности составляющих нарратива. Цель такого анализа заключается в понимании смысла через интерпретацию. Текст рассматривается с точки зрения его смысла в связи с предшествующими и последующими действиями. Данная методика позволяет использовать исторический и социальный контекст для интерпретации текста, реконструировать мир актора с целью понимания его мотивов.

Явная составляющая нарратива раскрывает представления рассказчика о фактической стороне события. Скрытая, имплицит-

ная составляющая говорит о структуре и смысле рассказываемой истории или ее частей, о целях и особенностях самого рассказчика. Формальный анализ нарратива обращает внимание на структуру истории, взаимосвязь элементов друг с другом, привязанность их к временной оси, использованные приемы.

Заключение

Мы организовываем наш опыт и память о произошедших событиях в форме нарратива. Нарративные конструкции представляют собой версию реальности, принятие которой регулируется обычаем и потребностью в существовании нарратива, а не эмпирическим подтверждением или логическим объяснением. Тот набор нарративов, который включается в структуру коллективной памяти, позволяет сформировать идентичность группы, от лица которой ведется повествование о прошлом. Нарративный анализ в качестве одного из наиболее эффективных методов исследования структур коллективной памяти позволяет оценить как социальные практики, так и оказывающий влияние на них исторический и социокультурный контекст. Благодаря нарративному анализу исследователь получает возможность изучить социальные отношения, находящие выражение в языковых практиках. Анализу подвергаются структуры сюжета, действующие лица, мотивы их поведения и происходящие ситуации, символические образцы взаимодействия в обществе, формирование и сохранение норм и образцов культуры.

Литература

- Васильев 2015 – *Васильев А.* Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / Н. Кочеляева (ред.) М.: Совпадение, 2015. С. 29–58.
- ван Дейк 2000 – *Дейк Т. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
- Губин 2019 – *Губин В.* История и социальная память // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 277–285.
- Емельянова, Тимофеева 2009 – *Емельянова Т., Тимофеева А.* Опыт использования экспрессивного рисунка в исследовании коллективной памяти у чехов // Психология человека в современном мире. Т. 5: Личность и группа в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна,

- 15–16 октября 2009 г.) / Отв. ред. А. Журавлев. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 244–246.
- Зубанова 2008 – *Зубанова Л.* Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. № 2 (14). С. 6–17.
- Иванова 2013 – *Иванова Н.* Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях // Вестник СПбГУ. 2013. № 3. С. 116–122.
- Канштайнер 2014 – *Канштайнер В.* Поиск смысла в воспоминаниях: методологическая критика исследований коллективной памяти [Электронный ресурс] // Уроки истории XX век. 2014. URL: <https://urokiistorii.ru/article/52227> (дата обращения 18 ноября 2018).
- Касамара, Сорокина 2014 – *Касамара В., Сорокина А.* Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 107–118.
- Олик 2012 – *Олик Дж.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Пер. с англ. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.
- Терехова 2015 – *Терехова Т.* Нарративный анализ как понимающий метод // Гуманитарный вектор. 2015. № 1(41). С. 143–152.
- Тернер 1992 – *Тернер Р.* Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. 1992. № 2. С. 121–123.
- Ярская-Смирнова 1997 – *Ярская-Смирнова Е.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
- Alker 1996 – *Alker H.* Beneath Tit-for-Tat: the contest of political economy fairy tales within SPD protocols // Alker H.R. Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Bruner 1991 – *Bruner J.* The Narratvie Construction of Reality // Critical Inquiry, 1991. P. 2–21.
- Burke 2018 – *Burke K.* A Grammar of Motives. SF: University of California Press, 2018.
- Confino 1997 – *Confino A.* Collective Memory and Cultural history: Problems of Method // The American Historical Review. 1997. Vol. 102(5). P. 1386–1403.
- Erlл 2011 – *Erlл A.* Memory in Culture. London: Palgrave Macmillan. 2011.
- Gergen – *Gergen K.* Narrative, moral identity and historical consciousness: a Social constructionist account [Электронный ресурс] / URL: www.swarthmore.edu/Soc-Sci/kgergenl/text3/html (дата обращения 03.04.2018).
- Griffin 1993 – *Griffin L.* Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology // The American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98 (5). P. 1094–1133.
- Keightley 2010 – *Keightley E.* Remembering research: memory and methodology in the social sciences // International Journal of Social Research Methodology. 2010. Vol. 13 (1). P. 55–70.
- King 2000 – *King N.* Memory, Narrative, Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000.
- Labov 1997 – *Labov W.* Some further steps in narrative analysis // Journal of Narrative & Life History. 1997. Vol. 7 (1-4). P. 395–415.

- Novick 1999 – *Novick P.* That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Ricoeur 2004 – *Ricoeur P.* Memory, History, Forgetting. Chicago: The University of Chicago Press. 2004.
- Rosenwald, Ochberg 1992 – *Rosenwald G., Ochberg R.* Storied Lives: The Cultural Politics of Self- understanding. Cambridge: Yale University Press, 1992.
- Wang, Song, Kim Koh 2017 – *Wang Q., Song Q, Kim Koh J.* Culture, Memory, and Narrative Self-Making // *Imagination, Cognition and Personality.* 2017. Vol. 37 (2). P. 199–223.
- Wertsch 2008 – *Wertsch J.* Collective Memory and Narrative Templates // *Social Research.* 2008. Vol. 75(1). P. 133–156.
- Zelizer 1992 – *Zelizer B.* Covering the Body: the Kennedy Assassination, the Media, and the Shaping of Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

References

- Alker, H. (1996), “Beneath Tit-for-Tat: the contest of political economy fairy tales within SPD protocols”, Alker H.R. *Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies*, Cambridge, Cambridge University Press, USA.
- Bruner, J. (1991), “The Narratvie Construction of Reality”, *Critical Inquiry*, pp. 2-21.
- Burke, K. (2018), *A Grammar of Motives*, SF, University of California Press.
- Confino, A. (1997), “Collective Memory and Cultural history: Problems of Method”, *The American Historical Review*, Vol. 102(5), pp. 1386-1403.
- Dijk, T. van. (2009), *Yazyk, Poznanie. Kommunikatsia* [Language. Knowledge. Communication], BGK im. I.A. Boduen du Kurtene, Blagoveshchensk, Russia.
- Emelyanova, T. and Timofeeva, A. (2009), “The experience of using expressive drawing in the Czech collective memory research”, *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire* [Human psychology in contemporary world], vol. 5: Personality and group in the conditions of social change. Proceedings of the all-Russian jubilee scientific conference on the 120th anniversary of S.L. Rubinstein’s birth, October 15-16, 2009), Zhuravlev A.(ed.), Institut politologii RAN, Moscow, Russia, pp. 244-246.
- Erl, A. (2011), *Memory in Culture*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Gergen, K. (2018), *Narrative, moral identity and historical consciousness. A Social constructionist account*, available at: www.swarthmore.edu/SocSci/kgergenl/text3/html (Accessed 03 April 2018).
- Griffin, L. (1993), “Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology”, *The American Journal of Sociology*, no 98(5), pp. 1094-1133.
- Gubin, V. (2019), “History and social memory, Moscow, RAS, 2018”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 277-285.
- Ivanova, N. (2013), “The application of the free associations method in empirical Sociological research”, *Vestnik SPBGU*, no.3, pp. 116-122.
- Kansteiner, W. (2014), “The search for meaning in memories. Methodological critique of collective memory research”, *Uroki istorii XX vek*, available at: <https://urokiistorii.ru/article/52227> (Accessed 18 November 2018).
- Kasamara, V. and Sorokina, A. (2014), “The image of USSR in modern Russia in the perceptions of the student youth”, *Obsestvennie nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Modernity], no. 1, pp. 107-118.

- Keightley, E. (2010), "Remembering research: memory and methodology in the social sciences", *International Journal of Social Research Methodology*, no 13(1). pp. 55-70.
- King, N. (2000), *Memory, Narrative, Identity*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Labov, W. (1997), "Some further steps in narrative analysis", *Journal of Narrative & Life History*, no 7 (1-4), pp. 395-415.
- Novick, P. (1999), *That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Olick, J. (2012), Memory configurations. Process-relationship methodology on the example of Germany", tr. from English by D. Khlevnyuk, *Sotsiologicheskoe obozrenie*, no 1, pp. 40-74.
- Ricoeur, P. (2004), *Memory, History, Forgetting*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Rosenwald, G. and Ochberg, R. (1992), *Storied Lives: The Cultural Politics of Self-understanding*, Yale University Press, Cambridge, UK.
- Terekhova, T. (2015), "Narrative analysis as an understanding method", *Gumanitarniy vector*, no. 1 (41), pp. 143-152.
- Turner, R. (1992), "Srvnitelny kontent-analiz biografii" [Comparative content-analysis of biographies], *Voprosysotsiologii*, no. 2, pp. 121-123.
- Vasil'ev, A. (2015), "Cultural memory/forgetting and national identity. Theoretical foundations for analysis", Kochelyaeva, N. (ed.) *Kulturnaya pamyat v kontekste formirovaniya natsionalnoi identichnosti v Rossii v XXI veke* [Cultural memory in the context of the national identity formation in Russia in 21st century], Sovpadenie, Moscow, Russia, pp. 29-58.
- Wang, Q., Song, Q., Kim Koh, J. (2017), "Culture, Memory, and Narrative Self-Making", *Imagination, Cognition and Personality*, vol. 37 (2), pp. 199-223.
- Wertsch, J. (2008), "Collective Memory and Narrative Templates", *Social Research*, no 75 (1), pp. 133-156.
- Yarskaya-Smirnova, E. (1997), "Narrativniy analiz v sotsiologii" [Narrative analysis in Sociology], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 38-61.
- Zelizer, B. (1992), *Covering the Body: the Kennedy Assassination, the Media, and the Shaping of Collective Memory*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Zubanova, L. (2008), "Contemporary media space. Research approaches and interpretation principles", *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstvo*, no. 2 (14), pp. 6-17.

Информация об авторе

Александра А. Нечаева, соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; a.nechaeva@spbu.ru

Information about the author

Aleksandra A. Nechaeva, applicant, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; a.nechaeva@spbu.ru